

ила покланган кўнгилни, Тангри даргоҳига муносиб даражада ҳозирламоқдир. Чунончи, шоир айтади:

*Вучуди ту ҳама хор асту хошок,
Бурун андоз аз худ чумларо пок.
Бирав, ту хонаи дилро фурӯ рӯб,
Муҳайё кун мақому ҷойи Маҳбуб.
Зи ҳастӣ то бувад боқӣ барӯ шайн,
Наёбад илми ориф сурати айн [8, 103].*

Мазмуни: тану жонингени дунёвий тўсиқлар, бандлардан озод қил. Кўнгил хонасини хору хаслар(дунёвий ва уқбовий хоҳиш ва қизиқишлар, монеликлар)дан жаҳд ила поклаб, ҳақиқий дўстга – Мутлақ жамол соҳибига ҳозирла. Шунин билиб қўйки, агар қалб уйда бу хору хаслардан бир заррача қолса, Оллоҳ унга назар солмайди. Орифлик мақомига эришолмайсан.

Хулоса. Хуллас, орифлик мақомига юксалиб, Оллоҳнинг зоти, сифоти, исми ва феълларини мушоҳада этмоқ ҳузурига ҳамма ҳам бирдай эришавермаган. Талабгорлар жуда кўп бўлган. Бироқ уларнинг аксарияти турли қийинчиликлар ва машаққатларга дош беролмай, йўлнинг ярмидан ортига қайтган, йўлдан адашган ёки йўлнинг маълум бир водийида қолиб кетганлар. Ушбу мушкул синовлардан ўтиб, сараланган кишиларгина кўзланган асл манзилга – орифлик мақомига етиб келганлар.

Маҳмуд Шабустарийнинг “Гулшани роз” асари мана шу сермашаққат йўлдан юриш одоби, талаб ва қоидалари, Асл манзилга эришганлар – орифлар ҳузури, ҳол ва мақоми хусусида баҳс юритар экан, талаб аҳлини ахлоқан покланиб маънан юксалишга, яъни асл манзил ва мақсад иштиёқида яшашга илҳомлантириб келаётган ўзига хос бетакрор асардир.

АДАБИЁТЛАР

1. **Комилов Н.** Тасаввуф. – Т.: Мовароуннаҳр-Ўзбекистон, 2009. – 447 б.
2. **Латипов Ҳ.** “Маҳмуд Шабустарий ва унинг Гулшани роз” асари ҳақида //Ўзбек тили ва адабиёти. 2011. - №4. – Б. 57-60.
3. **Муродова Д.** Ориф образи ҳақида мулоҳазалар //Ўзбек тили ва адабиёти. 2003. - №2. – Б. 76-77.
4. **Навоий А.** Насойим ул-муҳаббат. МАТ, 17-жилд. – Т.: Фан, 2001. – 518 б.
5. **Uludaq S.** Tasavvuf terimleri sozlugu. – Istanbul: 1995. – 604 s.
6. **Шабустарий М.** Гулшани роз. – Техрон, 1952. – 135 б.
7. **Şebusteri.** Gulsen-i raz. – Istanbul: Sark-Islam Klasiklari, 1989. – 127 s.
8. **Шабустарий М.** Гулшани роз. Жамол Камол таржимаси. – Т.: Тамаддун, 2013. – 143 б.
9. **Ҳаққул И.** Ирфон ва Идрок. – Т.: Маънавият, 1998. – 159 б.

УДК: 82.09

ЕВГЕНИЙ ЗАМЯТИННИНГ "БИЗ" РОМАНИДА АНТИ-УТОПИК МОТИВЛАР АНТИ-УТОПИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В РОМАННОМ ДИСКУРСЕ ЕВГЕНИЯ ЗАМЯТИНА «МЫ»

ANTI-UTOPIC MOTIVES IN THE NOVEL OF EVGENIY ZAMYATIN "WE"

Темирова Джамила Хасановна

ст.преподаватель кафедры русского языка и литературы БухГУ

Таянч сўзлар: утопия, антиутопия, дистопия, субгенер, ҳақиқат, идеал, мафкура, илмий ва техник тараққиёт, оддий кундалик фикрлашни механизациялаш, техниклик.

Ключевые слова: утопия, антиутопия, дистопия, субжанр, действительность, идеалы, идеология, научно-технический прогресс, машинизирование обыденно-бытового мышления, техницизм.

Key words: utopia, antiutopia, dystopia, subgenre, reality, ideal, ideology, scientific and technical progress, the mechanization of ordinary everyday thinking, technicalism.

Ушбу мақолада XX аср адабиётида антиутопия жанрининг ўзига хос жиҳатлари таққосланган. Евгений Замятиннинг "Биз" романидаги анти-утопик мотивлар таҳлил қилинган.

В данной статье в сопоставительном аспекте рассмотрена специфика жанра антиутопии в литературе XX столетия. Определены антиутопические мотивы в произведении Евгения Замятина «Мы».

In this article, in a comparative aspect, the specificity of the antiutopian genre in twentieth century literature is considered. Anti-utopian motifs in the work of Yevgeny Zamyatin "We" are defined.

Введение. В мировой литературе XX века особое распространение получил жанр антиутопии, что обусловлено самой социальной действительностью с ее социально-политическими катаклизмами и апокалиптическим настроением, которые дают богатый материал для построения как утопических, так и антиутопических моделей бытия.

Термин «антиутопия» достаточно условен, о чем свидетельствует использование многочисленных синонимов, введенных литературоведами, философами, для определения ее сущности: «негативная утопия», «неутопия», «какатопия», «дистопия». Эта терминологическая неупорядоченность и делает необходимым выявление основных параметров антиутопии. Наиболее продуктивным подходом к изучению особенностей этого жанра является его сопоставление с жанром утопии, то есть диалога утопии и антиутопии. Анализ художественной структуры утопии и антиутопии показывает, что оба эти жанра тесно связаны с мировоззренческими и идеологическими проблемами.

Основой и условием возникновения утопии является недовольство действительностью. Следствием этой неудовлетворенности стало моделирование альтернативного общества, построенного на иных социально-исторических основаниях и этических моделях, чем то, в которых живет автор. Система институтов, формы политической организации, отношения между людьми представлены в утопии в идеализированном виде, но они являются вторичными по отношению к декларируемому нравственному идеалу.

Пессимистический пересмотр утопических идеалов, особенно его социально-политических аспектов и нравственных последствий научно-технического прогресса, приводит к появлению антиутопий, которые разрушают романтические иллюзии. Таким образом, утопия в своем историческом развитии естественно порождает одну из своих модификаций - антиутопию, и оба жанра могут рассматриваться в русле одной традиции. При этом следует выделить особый субжанр - дистопию - тип антиутопии, который разоблачает утопию, описывая результаты ее реализации. Это существенно отличает ее от тех антиутопий, которые изобличают саму возможность осуществления утопии, или абсурдность и ошибочность логики ее создателей.

Антиутопия делает мишенью своей сатиры гиперрационально структурированные общественные системы, порождающие автоматизированных людей-роботов. Противовесом этой механистичности существования служит способность естественного героя к поиску истинных человеческих ценностей, нравственной опоры в этом «прекрасном новом мире». Таким образом, утопический мир изобличается изнутри, через сознание и чувства отдельного человека, который испытывает законы этого идеального, но бездушного мира на себе.

Изучению природы и функции самого утопического сознания посвящен сборник статей зарубежных исследователей «Утопия и утопическое мышление» [1], в котором рассмотрены различные концепции утопии: историко-теоретические, социально-философские, социологические, литературоведческие. Глубокая проработка материала определила взаимосвязь трех феноменов - утопии, идеологии и проблем действительности, одновременно выявила и принципиальную разницу между утопией и идеологией, диалектику отношений между бытием и утопией. Так причину возникновения утопий К. Мангейм видел в поиске нового типа духовной деятельности, приводящего отдельных членов коллектива к протесту, что взрывало бытие изнутри, порождая утопии.

Писатели-антиутописты ставили перед собой задачу показать механизм и последствия тоталитарного режима, моральное разрушение личности в результате манипулирования человеческим сознанием. Классическими произведениями этого жанра являются романы Замятина Е. «Мы», Платонова А. «Чевенгур», Хаксли О. «Дивный новый мир», Оруэлл Дж. «1984». Эти романы, при всем их различии, пересматривают социальные, общественные и идеологические установки общества, как правило, разоблачают несостоятельность административно-бюрократической модели социализма, политические просчеты, тоталитарный режим, создавая гротескные модели унифицированного бытия.

Антиутопия Евгения Замятина, стоящая у истоков жанра, своего рода исторический прогноз той драмы, которая разыгралась еще при жизни автора. Роман «Мы» содержал пародию на утопию, авторами которой были известные организаторы, теоретики и идеологи Пролеткульта Богданов А.А., Гастев А. Последний писал в 1919 году: «Машинизирование не только жестов, не только рабоче-производственных методов, но машинизирование обыденно-бытового мышления, ...поразительно нормализует психологию пролетариата <...>, сообщает пролетарской психологии поразительную анонимность, позволяющую квалифицировать отдельную пролетарскую единицу как А, В, С, или как 325... уже нет миллионов голов..., индивидуального мышления...» [2].

Идея глобального преобразования мира была центральной в пролеткультовской утопии, основанной на «Всеобщей организационной науке» Богданова А.А. и предполагавшей насилие над человеческой природой; уничтожение в человеке души и чувства любви, которые представлялись основной помехой для осуществления утопии. В описании устройства Единого государства автор иронизирует над проповедуемой «пролетарскими мыслителями» верой в пролеткультовские доктрины: в безграничные возможности науки, коллективизм, техницизм. Замятин Е.И. показал опасность превращения человека в «нормализованного работника», который все силы должен отдавать только коллективу и служению высшим целям - покорению вселенной с помощью науки и техники.

Замятин разъяснял: «... роман «Мы» - это протест против тупика, в который упирается ... цивилизация, стирающая, механизмирующая, омашинающая человека» (1929). В 1932 году в интервью французскому критику: «...этот роман - сигнал об опасности, угрожающей человеку, человечеству от гипертрофированной власти машин и власти государства - все равно какого... Очень любопытно, что в своем последнем романе известный английский беллетрист Хаксли развивает почти те же самые идеи и сюжетные положения, которые даны в «Мы». Совпадение, конечно, оказалось случайным, но такое совпадение свидетельствует, что идеи - кругом нас, в том предгрозовом воздухе, которым мы дышим».

Действие романа «Мы» происходит в далеком будущем, в фантастическом Едином Государстве, которое возглавляет Благодетель. Государство сосредоточено в городе, изолированном от остального мира Зеленой Стеной - диким лесом, выходить в который жителям запрещено. Образ Единого государства - традиционный символический образ урбанистической утопии. Здания из стекла и бетона напоминают сооружения, описанные в романе Чернышевского «Что делать?». Образ «стеклянного» города связан также с футуристическими проектами создания рукотворного искусственного мира (например, в творчестве Хлебникова В. и Крученых А.).

Само повествование строится в форме дневника, который ведет главный герой романа инженер-физик Д-503, строящий «Интеграл» - техническое сооружение, предназначенное для установления господства человечества над космосом. «Интеграл» призван «проинтегрировать» межпланетное пространство, изменив тем самым основы бытия. Образ покорения природы с помощью техники был постоянным в искусстве авангарда и в творчестве пролетарских писателей. Подобные сооружения изобретают и строят герои ранней прозы Платонова А.П., пьес Маяковского В.В. «Баня» и «Клоп».

Социально-утопические мотивы романа «Мы» восходят к мифам о золотом веке, рационалистическим утопиям нового времени («Утопия» Т. Мора и др.). Но Единое Государство напоминает беззаботное общество золотого века только внешне. Здесь

люди, уцелевшие после 200-летней войны, - две десятых процента населения земли, обеспечены всем необходимым. Упоминание о том, что благами утопии пользуется лишь малая часть людей, перекликается с рассуждениями героя романа Ф.М. Достоевского «Бесы» Петра Верховенского о том, что одна десятая человечества будет благоденствовать, а остальные на нее работать, оставаясь в первобытном состоянии.

В Едином Государстве все живут по строгим законам - Великой скрижали, регламентирующей поведение людей во всех мелочах. Жизнь здесь предельно рационализирована. Люди полностью лишены прав на семью, на личную жизнь, любовь низведена до уровня удовлетворения физиологических потребностей по талонам, а вместо имен у жителей этой страны остаются лишь номера. В Едином Государстве существует единый строгий режим. За каждым человеком установлен контроль. Действует тайная полиция, именуемая «Хранители». Все носят униформу, питаются искусственной пищей.

Содержание произведения с особой полнотой раскрывается в контексте «Легенды о Великом инквизиторе» (см. «Братья Карамазовы» Достоевского), где была раскрыта сущностная порочность мечты социалистов насытить людей только хлебом, лишив их при этом главного - свободы и души.

Важную роль в тексте играют мотивы дионисийских экстатических культов и ритуалов, участники которых испытывали состояние энтузиазма, или богоодержимости. Такие переживания характерны для «нумеров», которые отождествляют себя с богами. Для «нумеров» Благодетель - не только палач, но и божество, болеющее за свой народ. Кровавые казни организуются в Едином Государстве как пышные торжества. Такие «празднества» становятся компенсацией за страх, в котором живут «нумера».

Роман «Мы» вовсе не случаен и не неожидан в творчестве Замятина: пожалуй, в нем нет ни одного мотива, ни одного образа и характера, ни одного предостережения, которые не прочитывались бы в предшествующих произведениях писателя. Да и художественная форма трагикомического и иронического повествования вышла из предшествующей эстетической системы Замятина. Роман во многом стал концентрацией уже состоявшихся художественных открытий, наглядным художественным пособием многих замятинских теоретических построений. Соединение, так сказать, мирового жизненного материала - анализ тенденций технического прогресса, с попытками разрешить общечеловеческие загадки бытия, развязать узлы мятущейся, обуреваемой абстрактными страданиями русской души, синтез интернационального и отечественного - в этом феномен романа, его неповторимый идейно-художественный эффект. Герои романа «никто» не «один», но «один из». Как записывает автор конспектов под названием «Мы», строитель ИНТЕГРАЛА Д-503, «мы так одинаковы». В «великой книге цивилизации», создающейся Д-503, настолько все коллективизировано, механизировано, что, собственно, не люди живут и действуют, а их нелепые создания: Единое Государство, Единая Государственная Наука, которая ошибаться не может, зоркое Бюро Хранителей, Государственные поэты, Личные Часы, Материнская и Отцовская Нормы, Машина Благодетеля. Все универсально и грандиозно. Только люди превращены в нумера, в молекулы, бесправные и бесцветные. И неслучайно в этом государстве действуют самые жестокие формы пыток: Газовая Комната, электрический Колокол или производится Великая Операция по удалению фантазии, души.

Автор создал литературно-футурологический «конспект» отдаленного человеческого общежития, где вся жизнь встроена в треугольник - нумера, Единое Государство, Благодетель, где существуют не люди, а их знаки, действуют лица без человеческих имен, где представление о счастье связано с представлениями о равенстве в несвободе. Ориентированный на нового, «планетного», читателя, на новую жизненную реальность, роман и получился фантастическим, утопическим, с элементами детектива, занимательности.

В «социально-утопическом романе» (определение Замятина), при прочтении трансформирующегося в экспериментальное философско-сатирическое исследование, роман идей, присутствует иллюзия пространственности, массовости героев, энергии и глубины чувств, эпопейности событий. На деле же в произведении нет ни масс, ни

личностей, ни пространства. Все статично. Единично. Поверхностно. В масштабе замятинской Иллюзии - размах и иллюзии самой революции, поставившей ребром вопрос не только о статусе государства, но и о статусе гуманизма. Страдающая, сопротивляющаяся душа прозаика творила роман-эмблему, антиутопию машиноравного счастья, создавала взамен иную - художественную утопию универсальной несвободы, где гротеск, сарказм доведены до крайних выражений, где торжествует лишь одна форма разрешения трагизма - Ирония. «Смешной», как определил его Замятин, роман - это смех над самым неодолимым противником, жизнью. «Это смех человека, умеющего смеяться от нестерпимой боли и сквозь нестерпимую боль» (слова Замятин о писателях-неореалистах).

Увлеченный полемикой с современниками и прежде всего с пролеткультовскими утопиями, поглощенный строительством универсальных художественных концепций, созданием в противовес идеи «монофонической вселенной» своей, планетарной, вселенской идеи полифонической свободы, Замятин сам, вслед за его героем, построил отвлеченную, как раз в духе пролеткультовцев, утопии которых нещадно отвергал, модель благополучного сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Утопия и утопическое мышление: Антология зарубежной литературы/ Сост., общ. ред. и предисл. Чаликовой В.А. – М.: Прогресс, 1991. – 405 с.
2. **Гастев А.** Контуры пролетарской культуры //Пролетарская культура. – 1919. - №9-10. Энциклопедия мировой литературы. – М.: Вагриус, 2001. – С. 303-304.
3. **Скорospelова Е.Б.** Замятин и его роман «Мы». – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 78 с.
4. **Полякова Л.В.** Евгений Замятин в контексте оценок истории русской литературы XX века как литературной эпохи: Курс лекций. – Тамбов, 2000.

УДК: 39(=512.133):811.111'25

ОВИДИЙНИНГ “МЕТАМОРФОЗА” АСАРИДА ЭВРИЛИШ МОТИВИНИНГ ИФОДАСИ

МОТИВ ПРЕВРАЩЕНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИИ ОВИДИЯ “МЕТАМОРФОЗЫ”

THE EXPRESSION OF MOTIVE OF TRANSFORMATION IN OVID'S "METAMORPHOSES"

Кадилова Наргиза Арифовна

БухДУ факультетлараро чет тиллар кафедраси ўқитувчиси

Таянч сўзлар: метомарфоза, эврилиш, мотив, бадий ифода, жаҳон адабиёти, Овидий, асар.

Ключевые слова: метаморфоза, превращение, мотив, художественное изображение, мировая литература, Овидий, произведение.

Key words: metamorphose, transformation, motive, artistic expression, world literature, Ovid, work.

Мақолада Овидийнинг “Метаморфоза” асарида эврилиш мотивининг ўрни ва бадий ифодаланишига хос хусусиятлар ҳақида фикр юритилган.

В статье определены место и особенности художественного отражения мотивов превращений в произведении Овидия «Метаморфозы».

The article defines the role and peculiarities of artistic expression of transformations' motives in Ovid's "Metamorphoses".

Кириш. Эврилиш, яъни бир кўринишдан бошқа кўринишга ўтиш билан боғлиқ тасаввур-тушунчаларни бадий ифода этувчи мотив фольклор ва ёзма адабиёт намуналарида алоҳида ўринга эга. У ўзига хос поэтик ифода шакллари билан айрича эътиборни тортади. Бу мотив оғзаки ва ёзма асарларда қадимдан ҳозиргача қўлланиб келаётгани ва ҳар бир даврда муайян бадий-эстетик вазифаларда талқин этилгани кузатилади. Бинобарин, Ҳ. Шайхов, М. Муродов “Ҳаётбахш ҳаёллар” асарида таъкидлаганларидек: “Эврилиш” мотиви дастлаб қадимги мифларда қўлланилган ва ҳозиргача ёзма адабиётда ҳам кенг қўлланиб келинаётир” [4, 10].